

деловой завтрак

Вот уже второй год в Казани проходят «Деловые завтраки» – встречи группы молодых любопытствующих людей с известными деятелями культуры, образования, политики, общественной жизни... Беседы ведутся в непринуждённой обстановке, за чашкой чая. Об одной из них, встрече с писателем Лукманом Закировым, в материале организаторов и участников события Ф. Билалова и И. Мушинского

*Фариль
Билалов*

*Искандер
Мушинский*

173

На десятом десятке...

ГОВОРЯТ, писатель, особенно прозаик, должен иметь судьбу, то есть многое в жизни испытать, чтобы в своих произведениях излагать пережитое, увиденное, осмысленное. Конечно, мы знаем и молодых авторов, которые с необыкновенно ранних для прозы лет демонстрировали какое-то необъяснимое озарение, но это, скорее, исключение. Недаром же, как заметил Пушкин, «лета к суровой прозе клонят». Действительно, проза требует летá, года, набора жизненного багажа, биографического, так сказать, жирка. И если поэзия – удел быстролётной юности, то проза – это совокупность опыта и знаний, вынесенных

И. Мушинский, Л. Закиров, Ф. Билалов

из желательно не короткой жизни. Аксиомой уже стало: писатель должен жить долго.

К чему это пространное начало? А к тому, что очередной «Деловой завтрак» состоялся с участием самого возрастного писателя нашей республики Лукмана-ага Закирова. Ему 93 года. И по его просьбе мы устроили выездное наше заседание – приехали на чашку чая к нему в гости.

Несмотря на, казалось бы, всемирную известность, живёт Лукман Фатыхович в простой хрущёвке, в скромной двухкомнатной квартире, приспособленной исключительно для творчества. Над столом, можно сказать, над головой, на рыболовных лесках покачивается передвижная настольная лампа, рядом компьютер, тут же, под рукой айфон, неподалёку стационарный телефон; всюду, естественно, книги, журналы, газета «Звезда Поволжья», которую он выпи-

сывает... А про всемирную известность мы не преувеличили – автор несметного числа повестей, рассказов, исторических заметок публиковался как в Казани, так и почти во всех московских газетах и журналах, во многих других городах страны и зарубежья. Его произведения звучали на «Маяке», «Голосе Америки», «Би-би-си», «Радио Свобода», «Немецкой волне»...

А ведь до времён горбачёвской перестройки и гласности его никто и знать не знал. Человек писал, что называется, в стол. И только на шестом десятке лет писатель Лукман Закиров появился в печати.

Как же это произошло? Очень просто: бывший военный лётчик продал свою «Волгу» и на вырученные деньги издал свою первую книгу. И пошло-поехало. В 1995 году писатель-любитель, не состоявший в членах Союза писателей, победил в республиканском конкурсе «Книга года». Его прозаический сборник «Мустафа» по опросу читателей Национальной библиотеки с большим отрывом обошёл все книги, изданные у нас в республике на русском языке.

А в этом году Лукман-ага удостоен Литературной премии Союза писателей Татарстана имени Гаяза Исхаки. Кстати, членом СП РТ писатель-любитель стал только в свои 73 года. Это к вопросу о возрасте вступающих в профессиональное писательское сообщество. Конечно, молодость для членства в СП – это важно, но, оказывается, не только...

Мы спросили акасака, как он относится к личности Гаяза Исхаки.

На одном дыхании Лукман Фатыхович выдал, как что-то само собой разумеющееся:

– Это редкой правдивости писатель, вдохновитель, теоретик и практик татарского национального движения, публицист, просветитель, интеллектуал... Его слушали, читали, помнят в Германии, Франции, Финляндии, Китае, Корее, Японии, Польше, арабских странах, не говоря уж о Татарстане и других татарских землях. Гаяз Исхаки – глыба, глобальная личность. Но больше все-

го меня подкупает то, что мы с ним на одной стороне в борьбе за честность и справедливость отношений разных народов, сословий, полов, просто людей, невзирая на политику официальных властей в разные её годы. Я благодарен и горд, что награждён премией его имени.

– Но вы пишете на русском языке...

– Я родился в семье потомственного кузнеца села Түбән Ушма (Нижняя Ушма) Мамадышского района. Учился в татарской школе, продолжил образование в педучилище, в 1945–1948 годах учительствовал в сельской школе. Но затем моя жизнь продлилась далеко от родных земель. Служил в армии, окончил авиационный вуз в Киеве, получив лётную профессию, стал офицером, и судьба военного человека бросала меня из края в край, где на татарском языке, сами понимаете, не говорили, всё на русском – армейский язык у нас один. В 39 лет я вышел на пенсию Минобороны, после чего меня взяли мелким чиновником в Казанский кремль, но и там родного языка, в общем-то, было не слышать. Тогда-то, озирая жизнь, так сказать, с кремлёвского холма, я и принялся за сатирические тексты. Но критические мысли в те застойные годы не приветствовались, и мои сочинения оставались в первоизданном, не опубликованном виде. Лишь во второй половине 80-х годов прошлого века с известной перестройкой и гласностью мои черновики прорвались на белый свет и пошли в печати и на радио нескончаемым потоком.

– Из Мамадышского района вышли известные писатели Хузи Махмутов, Зиннур Мансуров, Ринат Мухамадиев, Шагинур Мустафин...

– И все они, представьте себе, из одной нашей Нижнеошминской деревенской школы. Трое из них стали лауреатами Тукаевской премии. И тут я, случайный человек, среди них.

– Почему случайный?

– Названные земляки с детства мечтали стать писателями, уже в школе занимались сочинительством. А я писателем стал, можно сказать, случайно. Да

и вся моя жизнь случайная. До моего рождения в нашей семье дети рождались и умирали, а я чудом, вернее, случайно выжил. И после по жизни у меня, на мой взгляд, было всё случайно. А про умерших при рождении братьев своих я написал как-то: «Те умерли сразу, им повезло».

– Получается, вы пессимист...

– Да, прирождённый пессимист. Как сказал поэт Борис Корнилов, «оптимистам липовым назло». Мир, к сожалению, устроен несправедливо. Я родился в сталинском колхозе, где вся деревня с утра до вечера работала, по сути, бесплатно. Было смертельно голодно. Колхозникам паспортов не выдавали, и они никуда уехать не могли. Сызмальства я был, практически, дистрофиком – кости да кожа. Уже в десятилетнем возрасте от этой жуткой несправедливости я был полон горечи и, как позже узнал, инакомыслия. Служба в армии меня накорми-

ла, я наконец-то поправился, на человека стал похож. Внешне. А внутренне я остался десятилетним мальчишкой с критическим взглядом на действительность. Как меня такого диссидента взяли в военный вуз и авиацию – ума не приложу. Опять-таки случайно.

В нашей неспешной беседе мы заинтересовались у писателя его читательской практикой. Он усмехнулся в ответ:

– Колхозник сталинской деревни, живущий без электричества и прочих удобств цивилизации, работая от темна до темна, не мог даже мечтать о чтении книг, поскольку у него не было для этого ни минуты свободного времени. Читать книги, когда домашним хозяйством занимаются даже дети, считалось, мягко говоря, безнравственным, а то и преступным. Поэтому в школьные годы я успел познакомиться лишь с творчеством Тукая, Такташа, Аделя Кутуя... А став горожанином, ко мне пришли и Пушкин с Лермонтовым, Куприн, Джек Лондон, Стефан Цвейг и прочие по списку. К стыду своему, я так и не смог одолеть «Войну и мир» Толстого.

– Быть может, потому-то вам и в своём творчестве ближе малые прозаические формы?

– Действительно, мне ближе по духу динамика и быстротечность сюжетов. И все эти мои книги – «Вынужденная посадка», «Гиперболоид капитана Саблина», «Вершина айсберга» и другие – это всё сборники повестей, рассказов и совсем коротких эссе по поводу не известных широкой публике фактов из жизни известных людей и событий. В своё время Рафаэль Мустафин в одной из своих статей заметил: «Лукман Закиров избегает художественного вымысла, пишет лишь о том, что пережил сам или наблюдал своими глазами». И это верно, что касается повестей и рассказов. Но у меня, как я уже говорил, много и

отстранённого от моей личности, исторического, документального.

И в самом деле, таких по объёму кратких, по содержанию хлёстких текстов у Лукмана Фатыховича большинство. Они у него искромётны, увлекательны и парадоксальны. Рассказывая о конкретных людях, исторических событиях, он умеет взглянуть на них с совершенно неожиданной стороны, привести удивительные факты, делая своих героев не такими однозначными и привычными, какими преподносит их официальная историография и журналистика. И хотя Лукман-ага открыто декларирует свой «врождённый» пессимизм, творчество его не совпадает с унынием и безнадёжностью.

И в заключение мы задали несколько, может быть, нескромных вопросов:

– Извините, Лукман Фатыхович, не одиноко ли вам тут одному?

– Уединение и даже одиночество, друзья, – тайная мечта любого писателя. Я работаю, читаю, пишу, и мне некогда скучать и рефлексировать на разные темы.

– Не поделитесь ли секретом долголетия?

– Своё долголетие считаю очередной случайностью моей жизни. Но один совет всё-таки дам: тренируйте мышцы головного мозга, а не только рук и ног.

И на традиционный вопрос о планах на будущее Лукман-ага ответил:

– Мне скоро уже девяносто четыре стукнет. О каком будущем может идти речь! Меня мазарки заждались.

А у самого на экране компьютера светятся первые абзацы нового рассказа, и взгляд озорной, испытующий, всё-то ему интересно – свежий выпуск «Казанского альманаха», книги, которые мы принесли, и сами гости со своими вопросами и ответами на его не меньшее любопытствование.

